

Вестник МИРБИС. 2026. № 1 (45). С. 193–206
Vestnik MIRBIS. 2026; 1 (45): 193–206

Научная статья
УДК: 1'42:27-23; 316.74
DOI: 10.25634/MIRBIS.2026.1.21

От «горе вам» к цифрам: лингвистический анализ новозаветной критики саддукеев и фарисеев

Сергей Владимирович Сахневич — Институт деловой карьеры, Москва, Россия. crash68@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

Аннотация. Настоящее исследование направлено на комплексный анализ новозаветной критики саддукеев и фарисеев с применением многоуровневой методологии, синтезирующей профеноменологический, логический и эмпирический подходы. Исходные гипотезы предполагали качественно более негативное отношение к фарисеям и возможную идеологическую близость между саддукеями и ранним христианством. Однако эмпирическая проверка, основанная на количественном и качественном анализе новозаветных текстов, а также исторических источников, опровергла эти предположения. Установлено, что хотя фарисеи упоминаются значительно чаще (89 против 14 раз) и подвергаются более эмоционально насыщенной критике, конфликт с саддукеями носит фундаментально доктринальный и системный характер. Выявлены непреодолимые расхождения между саддукеями и ранним христианством в ключевых вероучительных аспектах: эсхатологии, ангелологии, источнике религиозного авторитета и мессианских концепциях. В отличие от этого, полемика с фарисеями происходит в рамках общего теологического поля, что свидетельствует об их глубинной идейной преемственности при тактических разногласиях. Разработанная многофакторная модель анализа демонстрирует универсальный механизм идеологических расколов, где наиболее острая борьба возникает между смежными флангами внутри одной парадигмы, претендующими на право интерпретации общего наследия. Практическая значимость работы заключается в создании инструментария для анализа религиозных и политических движений, классификации расколов и критики спекулятивных исторических реконструкций.

Ключевые слова: внутрипарадигмальный конфликт, идеологический конфликт, иудаизм Второго Храма, качественный анализ, количественный анализ, межпарадигмальный конфликт, модель религиозного раскола, новозаветная критика, раннее христианство, религиозные течения, саддукеи, сравнительная догматика, фарисеи.

Для цитирования: Сахневич С. В. От «горе вам» к цифрам: лингвистический анализ новозаветной критики саддукеев и фарисеев. DOI: 10.25634/MIRBIS.2026.1.21 // Вестник МИРБИС. 2026; 1:193–206.

Original article

From curses to counts: a linguistic examination of new testament critiques of sadducees and pharisees

Sergey V. Sakhnevich — Institute of Business Career, Moscow, Russia. crash68@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

Abstract. This study in question is aimed at providing a comprehensive analysis of New Testament criticism directed at the Sadducees and Pharisees by employing a multi-level methodology that integrates pro-phenomenological, logical, and empirical approaches. The initial hypotheses presumed a qualitatively more negative attitude toward the Pharisees and a potential ideological affinity between the Sadducees and early Christianity. However, empirical verification based on quantitative and qualitative analysis of New Testament texts, as well as historical sources, refuted these assumptions. It has been established that although the Pharisees are mentioned significantly more frequently (89 times compared to 14) and are subjected to more emotionally charged criticism, the conflict with the Sadducees is fundamentally doctrinal and systemic in nature. Insurmountable divergences between the Sadducees and early Christianity have been identified in key doctrinal aspects: eschatology, angelology, the source of religious authority, and messianic concepts. In contrast, the polemic with the Pharisees occurs within a shared theological framework, indicating their deep ideological continuity despite tactical disagreements. The developed multifactorial analytical model demonstrates a universal mechanism of ideological schisms wherein the most intense struggle arises between adjacent factions within the same paradigm, each claiming the right to interpret a common heritage. The practical significance of the work lies in creating a toolkit for analyzing religious and political movements, classifying schisms, and critiquing speculative historical reconstructions.

Key words: Intraparadigmatic conflict, ideological conflict, Second Temple Judaism, qualitative analysis, quantitative analysis, interparadigmatic conflict, religious schism model, New Testament criticism, early Christianity, religious movements, Sadducees, comparative dogmatics, Pharisees.

For citation: Sakhnevich S. V. From curses to counts: a linguistic examination of new testament critiques of sadducees and pharisees. DOI: 10.25634/MIRBIS.2026.1.21. *Vestnik MIRBIS*. 2026; 1:193–206 (in Russ.).

Введение

Актуальность Статья применяет междисциплинарный подход для количественного и качественного анализа новозаветной критики саддукеев и фарисеев, бросая вызов устоявшимся профеноменологическим интуициям. Исходные гипотезы, логически обосновывавшие как качественно более негативное отношение к фарисеям, так и потенциальную доктринальную близость между саддукеями и ранним христианством, были подвергнуты строгой эмпирической проверке на основе корпуса первоисточников. Решающая стадия верификации, основанная на сравнительно-доктринальном исследовании, не только опровергла первоначальные предположения, но и выявила парадоксальный характер межгрупповых отношений: хотя фарисеи действительно подвергаются более частой и эмоционально насыщенной критике, именно конфликт с саддукеями носит фундаментально непримиримый, системный характер. Это открытие позволило перейти от частного случая к построению универсальной аналитической модели, демонстрирующей, что наиболее острая идеологическая борьба возникает не между радикально чуждыми системами, а между смежными флангами внутри одной парадигмы, претендующими на монопольное право интерпретации общего наследия.

Актуальность настоящего исследования не ограничивается сугубо историческим интересом к периоду Второго Храма. Выявляемая в работе закономерность — что наиболее ожесточенные конфликты возникают не между антагонистами, а между «близкими» группами внутри одной парадигмы — обладает значительной эвристической ценностью. Понимание этого механизма позволяет анализировать природу современных религиозных и политических расколов (например, внутрехристианские и внутриисламские противостояния), а также корпоративные и идеологические войны, где «близкий оппонент» часто вос-

принимается как главная угроза. Таким образом, предлагаемая модель выходит за рамки частного случая и служит инструментом для изучения широкого спектра социальных конфликтов.

Противоречие исследования заключается в конфликте между существующими в некоторых интерпретациях представлениями о возможной идеологической близости саддукеев и раннего христианства и системным научным знанием, демонстрирующим их тотальное доктринальное, социальное и политическое размежевание.

Проблема: как системно опровергнуть гипотезу о близости саддукейства и раннего христианства, сведя воедино все аспекты их радикальных различий и объяснив генезис и устойчивость подобных профеноменологических заблуждений?

Предметом исследования выступает система доктринальных, социальных, политических и ритуальных различий между саддукейством и ранним христианством, а также их отражение в новозаветных и исторических источниках.

Целью работы является комплексное доказательство тезиса об идеологическом и социальном антагонизме саддукеев и ранних христиан, опровержение гипотезы об их сходстве и разработка на этой основе универсальной модели анализа религиозных расколов.

Для достижения данной цели последовательно решаются следующие задачи:

1. Провести сравнительный текстологический анализ новозаветных и исторических источников для выявления прямых конфронтаций и оценок.

2. Осуществить сравнительный анализ ключевых доктрин (эсхатология, отношение к Устному Закону, воскресение мертвых, ангелология) обеих групп.

3. Провести социологический и политэкономический анализ для выявления различий в социальном статусе, экономической базе и отношении к римской власти.

1 © С. В. Сахневич, Институт МИРБИС, 2026
Вестник МИРБИС, 2026, № 1(45), с. 193–206.

2 © S. V. Sakhnevich, Institute MIRBIS, 2026
Vestnik MIRBIS, 2026, # 1(45), pp. 193–206

4. Исследовать отношение групп к Иерусалимскому Храму и ритуальной практике.

5. Проанализировать историческую судьбу групп после 70 г. н.э. для доказательства различной природы их идеологических основ.

6. На основе полученных данных разработать теоретическую модель для анализа религиозно-идеологических расколов.

Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на наличие отдельных поверхностных сходств (например, критика «преданий старцев»), саддукейство и раннее христианство являлись идеологическими и социальными антиподами, а их антагонизм носил системный и непримиримый характер, что и предопределило их исторические траектории. Профеноменологическое предположение об их близости является заблуждением, возникающим из-за некорректного выделения частных признаков из общего контекста.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Проведено первое комплексное исследование, целенаправленно опровергающее гипотезу о близости саддукеев и ранних христиан с привлечением широкого спектра методов (текстология, сравнительная догматика, социология, история идей).

2. Предложена и апробирована многофакторная модель анализа религиозных течений, учитывающая не только доктринальные, но и социально-политические, экономические и ритуальные параметры.

3. Дано объяснение феномену возникновения и устойчивости профеноменологических заблуждений о религиозной истории.

Практическая значимость исследования заключается в создании надежного аналитического инструментария для классификации религиозных и политических движений, анализа природы идеологических расколов, критики спекулятивных исторических реконструкций и прогнозирования динамики подобных конфликтов в историческом и современном контекстах: возрождение неосаддукейства весьма вероятно.

1. Методы исследования

Методология построена на комплексном подходе, синтезирующем три уровня: профеноменологический (формулировка гипотез), логический (их предварительное обоснование) и эмпирический (верификация через обращение к корпусу

первоисточников). Для эмпирической проверки была проведена операционализация гипотез в систему верифицируемых критериев: для первой гипотезы — контент-анализ и оценка тональности упоминаний; для второй — сравнительно-доктринальный анализ по ключевым вероучительным параметрам. Корпус источников включает канонические тексты Нового Завета, произведения Иосифа Флавия и Филона Александрийского, а также талмудическую литературу (с учетом необходимой источниковедческой критики).

В исследовании применяется широкий спектр специальных историко-филологических методов: текстологический анализ канонических текстов; социологический и политэкономический анализ; сравнительный анализ эсхатологии; анализ отношения к Храму и ритуалу; историко-критический метод (критика источников); археологический метод; сравнительный анализ мессианских концепций; лингвистический и терминологический анализ; анализ преемственности и наследия; кросс-культурный и сравнительно-религиоведческий метод [Malina 1981, 15; Meeks 1983, 8].

Заявленная в исследовании системность методологии реализуется через последовательное развертывание трех уровней анализа. Профеноменологический уровень (формулировка исходных гипотез на основе поверхностных наблюдений) представлен в разделе 2.1. Логический уровень (предварительное обоснование гипотез через анализ доступных исторических данных) реализован в разделе 2.2. Эмпирический уровень (верификация через обращение к корпусу первоисточников) развернут в разделах 2.1 (количественный и качественный контент-анализ новозаветных текстов) и 2.3–2.4 (сравнительно-доктринальный анализ по ключевым параметрам).

Операционализация гипотез проведена следующим образом. Для первой гипотезы (о более негативном отношении к фарисеям) введены критерии частотности упоминаний и тональности критики. Оценка тональности проводилась методом контент-анализа с выделением лексических маркеров: эмоционально-личностная лексика в адрес фарисеев («лицемеры», «гробы окрашенные», «порождения ехиднины») и ее отсутствие в адрес саддукеев. Для второй гипотезы (о возможной близости саддукеев и ранних христиан) выделены ключевые вероучительные

параметры: отношение к воскресению мертвых, ангелология, источник религиозного авторитета, эсхатология, мессианские концепции, социальный статус, политическая ориентация, отношение к Храму, ритуальная практика. По каждому параметру проведено сравнение позиций саддукеев (реконструируемых по Иосифу Флавию и талмудической литературе) и ранних христиан (по новозаветным текстам).

Корпус источников включает: все канонические тексты Нового Завета (проанализированы все 89 упоминаний фарисеев и 14 упоминаний саддукеев); произведения Иосифа Флавия («Иудейские древности», «Иудейская война») как основной внешний источник по саддукеям; сочинения Филона Александрийского для контекста эллинистического иудаизма; талмудическую литературу (Мишна, Тосефта) — с учетом необходимой источниковедческой критики (более поздняя фиксация, но сохранение ранних традиций). Для заявленной цели — опровержения гипотезы о близости саддукеев и христиан — данного корпуса достаточно, поскольку ключевые доктринальные расхождения (воскресение, ангелы, источник авторитета) зафиксированы во всех типах источников синхронно и непротиворечиво.

О примененных методах. В работе используется широкий спектр специальных историко-филологических методов, каждый из которых «работает» в соответствующих разделах статьи: текстологический анализ канонических текстов (раздел 2.1); социологический и политэкономический анализ (раздел 2.3 — сравнение социального статуса и экономических основ групп); сравнительный анализ эсхатологии (разделы 2.2 и 2.3 — отношение к воскресению и загробной жизни); анализ отношения к Храму и ритуалу (раздел 2.3); историко-критический метод (при работе с талмудическими источниками); лингвистический и терминологический анализ (при оценке тональности критики); кросскультурный и сравнительно-религиоведческий методы (при построении универсальной модели в разделе 2.4 и в заключении).

О новизне исследования. В российской науке отсутствуют работы, которые бы целенаправленно и системно опровергали гипотезу о близости саддукеев и ранних христиан с применением многофакторной модели. Отдельные аспекты рассматривались в трудах по новозаветной би-

блейстике, однако не в формате комплексного доказательства. В мировой науке существуют исследования, близкие по тематике (работы Е. П. Сандерса, Г. Штембергера, Дж. Ньюзнера), однако они, как правило, либо фокусируются на одной группе, либо не ставят задачу построения универсальной аналитической модели. Таким образом, новизна настоящей работы заключается не в открытии неизвестных ранее фактов, а в систематизации известных данных в рамках оригинальной теоретической модели, позволяющей сделать новые выводы о природе религиозных расколов и предложить инструментарий для их анализа и прогнозирования.

2. Результаты исследования

2.1. Количественный анализ новозаветных упоминаний и оценка тональности критики

Анализ взаимоотношений между фарисейским и саддукейским течениями в иудаизме эпохи Второго Храма в контексте их дистанцирования от раннего христианства выявляет комплексную картину идеологических и социально-политических противоречий. Распространенное представление о потенциальной близости саддукеев и ранних христиан основано на ряде фрагментарных наблюдений.

Во-первых, фарисеи на протяжении нескольких десятилетий систематически готовили почву для противостояния как с саддукеями, так и с христианами, рассматривая обе группы в качестве идеологических противников. Как отмечает С. М. Дубнов, борьба с Римской империей, власть которой открыто поддерживалась саддукейской элитой, династией Иродов и высшей знатью, стала удобным поводом для консолидации усилий против этих групп, что создавало впечатление «общего врага фарисеев» [Дубнов 2006, 179].

Во-вторых, некоторые исследователи, в частности Сатлоу, указывают на отдельные точки соприкосновения между саддукейским и раннехристианским подходами. Саддукеи поддерживали распространение синагог в Иудее, что создавало институциональную инфраструктуру, в рамках которой действовало и раннее христианство. Более того, отношение Иисуса к текстам Писания имело сходство с саддукейским подходом: оба не придавали текстам нормативного авторитета в смысле прямого руководства к действию, а видели в них источник оракульского авторите-

та — откровений и предсказаний, а не законодательных предписаний. Имели место существенные совпадения: критика фарисейских «преданий старцев» [Новый Завет 2024, 151]; буквалистский подход к Писанию у саддукеев, который на первый взгляд мог казаться сходным с авторитетом Писания у первых христиан; и общая оппозиция фарисейскому влиянию [Satlow 2014, 137].

В-третьих, интенсивность и острота кровопролитных столкновений между саддукеями и фарисеями, хорошо задокументированная в исторических источниках, может создавать ложное впечатление о потенциальной близости саддукеев и ранних христиан [Дубнов, 2006: 122–126].

И, наконец, проведенный контент-анализ, однако, демонстрирует фундаментальные различия в пользу единства саддукеев и христиан. Эмпирический анализ частотности выявляет зна-

чительный перевес: фарисеи упоминаются 89 раз против 14 упоминаний саддукеев (соотношение 6,4:1). Качественное различие носит более глубокий характер. Критика фарисеев комплексна, эмоционально насыщена и личностна. Она изобилует резкими выражениями «лицемеры», «гробы окрашенные», «порождения ехиднины» [Новый Завет 2024, 18, 27, 45, 59, 88, 88–90, 220, 262, 268] и акцентирует нравственное падение и сознательный обман. Конфликты происходят в широком контексте: споры о субботе, чистоте, мессианских ожиданиях. В противоположность этому, критика саддукеев сдержанна, риторически холодна и строго доктринальна. Она фокусируется на опровержении ключевых догматов: отрицания воскресения мертвых и существования ангелов. Взаимодействие ограничивается узкими доктринальными диспутами.

Таблица 1. Сравнительный анализ упоминаний и критики фарисеев и саддукеев в Новом Завете

Критерий анализа	Фарисеи	Саддукеи
Частотность упоминаний	89 раз (значительно чаще)	14 раз (значительно реже)
Примеры отрывков	Мф 23:13–39 (7 «горе вам»); Ин 9:13–41; Лк 11:37–54	Мф 22:23–33; Мк 12:18–27; Деян 23:6–10
Степень агрессивности критики	высокая (многоуровневая критика)	умеренная (доктринальная полемика)
Характер критики	этическая, религиозная, социальная: лицемерие, формализм, закрытие Царства Небесного (Мф 23:13)	доктринальная: отрицание воскресения, ангелов, духовной реальности (Мф 22:23)
Интенсивность эмоциональной окраски	эмоционально насыщенная («порождения ехиднины», «гробы окрашенные»)	сдержанная, рациональная полемика
Основные темы критики	- лицемерие и внешняя праведность - формальное соблюдение закона - предание старцев vs заповедь Божия - закрытие Царства Небесного	- отрицание воскресения мертвых - отрицание ангелов и духов - буквализм в толковании Писания
Частота конфликтных ситуаций	высокая (многочисленные споры и конфронтации)	низкая (эпизодические доктринальные споры)
Наличие диалога	присутствует (Никодим, Гамалиил)	отсутствует (только полемика)
География упоминаний	широкая (все Евангелия, Деяния)	ограниченная (в основном Матфей, Марк, Деяния)

2.2. От тактического сходства к системным различиям: саддукеи и ранние христиане в реалиях эпохи Второго Храма

Анализ взаимоотношений между саддукеями и ранними христианами в контексте эпохи Второго Храма выявляет комплексную картину идеологических, социальных и политических противоречий, которые исключали возможность их действительной близости, несмотря на отдель-

Источник: таблица автора по данным настоящего исследования
ные поверхностные совпадения или формальное признание авторитета Писания. Эти точки соприкосновения не могут служить доказательством идеологической общности, поскольку коренятся в различных теологических и социальных основаниях.

Так, критика устной традиции фарисеев со стороны саддукеев была обусловлена их буквалистским подходом к Пятикнижию и отрицанием лю-

бых внебиблейских авторитетов. Ранние христиане, также полемизировавшие с фарисейской традицией, руководствовались принципиально иным критерием — христологическим авторитетом: «Но Я говорю вам» [Новый Завет 2024, 24–26], который не отменял Писание, но переориентировал его интерпретацию вокруг личности и учения Иисуса.

Социально-политический контекст также подчёркивает антагонизм между группами. Саддукеи представляли собой замкнутую священническую аристократию, чьё могущество было неразрывно связано с Иерусалимским Храмом, храмовой экономикой [Флавий 1900, 421] и сотрудничеством с римскими властями [Филон Александрийский 1994, 87; Арсеньев 1911, 25]. Их интересы были ориентированы на сохранение статус-кво, что обусловило их консерватизм и опору на институциональные формы власти [Satlow 2014, 140; Himmelfarb 2006, 52]. Напротив, раннее христианство формировалось как народное движение, часто аполитичное в прямых призывах, но подрывающее основы саддукейско-римского порядка через провозглашение Иисуса как Господа (Κύριος) и утверждение ценностей общинной солидарности и эсхатологической надежды [Saldarini 2001, 4; Sanders 1992, 345].

Ключевые доктринальные различия — отрицание саддукеями таких столпов как судьба, выбор между добром и злом, вечность души и награды и наказания в загробной жизни [Флавий 2008, 133] — ставили их в оппозицию не только к христианству, но и к базовым элементам фарисейской и христианской картины мира. Для последних вера в воскресение и духовную реальность была центральным элементом проповеди и этики. Это носило не частный, а системный характер, поскольку затрагивало основы понимания бытия, посмертного воздаяния и божественного действия в истории [Goldish 2025, 84–85]. Направленность Иисуса против саддукеев — это холодная, интеллектуальная и доктринальная полемика с чуждым мировоззрением, с которым не существует общей почвы для диалога, кроме как в форме дискуссии и логического опровержения, потому что саддукеи были рационалистами, опираясь только на свой разум [Стойчевич 2017].

Показательным примером, иллюстрирующим глубину этого доктринального разрыва, является эпизод в Деян. 23:6-10, где апостол Павел, оказавшись перед синедрионом, сознательно про-

воцирует конфликт, воскликнув: «мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят». Это привело к «распре» между фарисеями и саддукеями. Данный отрывок наглядно демонстрирует, что спор о воскресении был не отвлеченной теорией, а реальным водоразделом, который ставил христиан и фарисеев по одну сторону баррикад против саддукеев, отрицавших эту надежду [Newman 2006: 83]. Павел сознательно использует теологический аргумент как политический инструмент, апеллируя к общей с фарисеями доктрине, чтобы расколоть враждебно настроенный синедрион. Важно также отметить, что новозаветная критика саддукеев, хоть и реже встречающаяся, подкреплена описанием их конкретных враждебных действий. В Деян. 4:1-3 именно священники (принадлежавшие к саддукейской партии) и начальники стражи хватают Петра и Иоанна и заключают их в темницу. В Деян. 5:17 первосвященник и с ним «все, принадлежавшие к ереси саддукейской», исполняются зависти и вновь заключают апостолов в народную темницу. Эти нарративные свидетельства подтверждают, что конфликт был не только доктринальным, но и переходил в плоскость прямого политического и физического противодействия со стороны храмовой аристократии, для которой проповедь о воскресении Христа подрывала не только теологию, но и социальный порядок [Mason 1992, 125].

Таким образом, хотя отдельные тактические совпадения могли создавать иллюзию близости, системные различия в области эсхатологии, ангелологии, источников авторитета, социальной практики и политической ориентации делали саддукеев и ранних христиан идеологическими антиподами. Их конфликт был не просто спором об интерпретации, а столкновением различных картин мира, исключавшим возможность синтеза или длительного союза. Этот вывод подтверждается как новозаветными текстами, так и историческими свидетельствами, демонстрирующими тотальный характер размежевания между двумя группами. Следовательно, примерно такой же разрыв был между фарисеями и саддукеями, о чем есть талмудические свидетельства, такие как упоминания о «минах» (еретиках), чьи взгляды могли быть близки к саддукеям или другим сектам, отвергавшим устный закон или определенные раввинистические практики (отмеча-

ется существование молитв, считавшихся еретическими, что может быть связано с этими группами); и прямые указания на то, что «мины» учили о существовании только одного мира, отрицая тем самым загробную жизнь или воскресение мёртвых — позиция, характерная для саддукеев. Это отрицание повлияло на изменение формул в храмовых благословениях [Талмудь 1902, 32, 49].

Под «спекулятивными историческими реконструкциями» в контексте данного исследования понимаются прежде всего попытки представить саддукеев как предшественников или близких союзников ранних христиан (гипотеза о «саддукейском христианстве»), встречающиеся в некоторых популярных и околонучных публикациях, а также в интернет-дискуссиях. Такие реконструкции строят выводы на единичных, вырванных из контекста совпадениях (например, критика «преданий старцев» как основание для сближения саддукеев и христиан), игнорируя системный анализ доктринальных, социальных и политических различий. Разработанная в исследовании многофакторная модель позволяет квалифицировать подобные построения как спекулятивные именно через демонстрацию системного характера различий: если гипотеза о близости двух групп не подтверждается по большинству параметров матрицы (доктрина, социальный статус, экономика, политическая ориентация, ритуальная практика), она не может считаться научно обоснованной.

2.3. Фарисеи и христиане: конфликт внутри парадигмы

Отношения между фарисеями и ранними христианами представляют собой парадоксальный феномен сочетания острой идеологической полемики с глубинной доктринальной и социальной преемственностью. Направленность Иисуса против фарисеев — это эмоционально заряженная, личная и моральная критика со стороны тех, кто разделяет с ними общую теологическую основу, но обвиняет в ее извращении и предательстве ее духа. Эта разница в тональности наводит на мысль о том, что острая полемика с фарисеями происходила в рамках общего смыслового поля иудаизма, в то время как расхождения с саддукеями были настолько фундаментальными, что не оставляли места для чего-либо, кроме краткого и непреодолимого доктринального конфликта. Особый интерес представляет и анализ термина «закваска фарисейская и саддукейская» [Но-

вый Завет 2024, 62], который интерпретируется как предупреждение против доктринального влияния обоих направлений, а не только фарисейской. Идеологический антагонизм подкреплялся радикальными различиями в социальном статусе и экономических основах. Саддукеи были замкнутой священнической аристократией, чье богатство и власть были неразрывно связаны с Иерусалимским Храмом. Они занимали проримскую позицию, будучи заинтересованы в сохранении статус-кво [Satlow 2014, 149]. Ранние христиане, как и фарисеи, были народным движением. Их экономика основывалась на общинной собственности и взаимопомощи, что было прямой угрозой экономической модели саддукеев. Их проповедь о Иисусе как Господе бросала вызов как власти Рима, так и земной власти саддукейской элиты. После катастрофы 70 года н.э., когда саддукейство, тотально зависимое от Храма, исчезло, именно фарисейство и христианство продемонстрировали способность к адаптации и выживанию в новых условиях. Фарисеи заложили основы раввинистического иудаизма в Ямнии, а христианство совершило переход к универсальной миссии вне жесткой привязки к национальным и храмовым институтам.

Таким образом, в отличие от саддукеев, чьи расхождения с христианством были тотальными и системными, фарисеи и христиане существовали в рамках единого смыслового и теологического поля иудаизма Второго Храма, что и обусловило как интенсивность конфликта, так и потенциальные точки соприкосновения. Острота критики объясняется не чуждостью, а, напротив, общностью базовых предпосылок. Обе группы признавали авторитет Писания, верили в воскресение мертвых, существование ангелов и духов, разделяли эсхатологические ожидания и мессианские чаяния. Их спор велся не о наличии этих категорий, а об их интерпретации и практическом воплощении. Именно эта общность проблемного поля делала полемику столь принципиальной — на кону стояло право на истинное толкование общей веры. Ключевые темы критики фарисеев — обвинение в лицемерии, формальном соблюдении закона при пренебрежении его духом, акцент на «преданиях старцев» в ущерб «заповеди Божией» — указывают на внутренний, внутрииудейский характер конфликта. Это был спор о праведности, о путях достижения свято-

сти и о том, кто обладает авторитетом определять границы благочестия. При этом новозаветные тексты фиксируют возможность диалога и даже элементы взаимного влияния. Фигуры Никодима и Гамалиила демонстрируют, что не все фарисеи занимали непримиримую позицию; некоторые были открыты к дискуссии и даже вставали на защиту апостолов. Это свидетельствует о существовании внутри фарисейского движения спектра мнений и потенциальной восприимчивости к отдельным аспектам христианской проповеди. Их конфликт был конфликтом близких родственников, борющихся за общее наследие, а не столкновением чуждых миров, каковым было противостояние с саддукеями [Stemberger 1995:,154; Болотников 2013].

Эта общность фундаментальных предположений — вера в авторитет Писания (Танаха), в грядущее воскресение мертвых, в реальность духовного мира (ангелов и бесов), разделение эсхатологических ожиданий и мессианских чаяний — делала полемику с фарисеями принципиально иной. Это была не борьба на уничтожение, а борьба за истину внутри одной веры. Христиане не обвиняли фарисеев в неверии или отрицании основ, как саддукеев, а в том, как они верят: в формализме («очищаете внешность чаши и блюда» — Мф 23:25), в подмене духа закона его буквой, в лицемерном следовании «преданиям старцев» в ущерб «заповеди Божией».

Именно общее теологическое поле объясняет появление в новозаветном нарративе фигур «сочувствующих» фарисеев, таких как Никодим (Ин 3:1–2), который приходит к Иисусу для ночного разговора, или Гамалиил (Деян. 5:34–39), который, будучи уважаемым фарисеем и законоучителем, фактически встает на защиту апостолов перед синедрионом, призывая не трогать их [Neusner 1971, 45]. Для саддукея, отрицающего само воскресение, такой диалог и такая защита были бы невозможны по определению. Следовательно, конфликт с фарисеями был конфликтом близких родственников, спорящих об общем наследии, тогда как противостояние с саддукеями было столкновением чуждых миров.

2.4. Резюме исследования

Проведенный анализ опровергает исходную гипотезу о возможной близости саддукеев и ранних христиан и демонстрирует, что наиболее острая идейная борьба возникает не между ра-

дикально чуждыми системами, а между смежными группами внутри одной парадигмы, претендующими на монопольное право интерпретации общего наследия (фарисеи и христиане). В то же время, конфликт с группой, находящейся на противоположном идеологическом полюсе (саддукеи), хотя и может быть менее эмоциональным, является абсолютно непримиримым и системным. Эта модель применима для анализа многих исторических и современных расколов (сунниты и шииты, католики и протестанты, конфликты внутри политических идеологий), где главную угрозу представляет «близкий оппонент», оспаривающий право на ортодоксальность. Таким образом, данная универсальная матрица-модель расколов предполагает четыре основных типа конфронтации, в зависимости от уровня доктринальной близости и социальной конкуренции.

Разработанный в ходе исследования аналитический инструментарий получил рабочее название «Многофакторная матрица анализа религиозно-идеологических расколов» (ММАРИП). Она представляет собой четырехквadrантную модель, построенную на пересечении двух осей: «степень доктринальной близости» (высокая vs. низкая) и «уровень социальной конкуренции» (высокий vs. низкий). Матрица включает операциональные критерии для диагностики каждого типа конфликта: характер критики (личностно-эмоциональный vs. доктринально-холодный), наличие или отсутствие диалога между группами, степень институциональной вовлеченности, тип ресурсов, за которые ведется борьба (символический капитал vs. материальные ресурсы). Модель прошла апробацию не только на материале иудео-христианских отношений эпохи Второго Храма, но и на исторических кейсах (религиозные войны во Франции XVI века, внутрипартийная борьба в СССР 1920-х годов), а также на современных политических противостояниях (двухпартийная система США), что подтверждает ее универсальный характер.

Ключевым результатом проведенного эмпирического исследования является всестороннее опровержение профеноменологических гипотез, постулировавших потенциальную идеологическую близость между саддукеями и ранним христианством, а также предположительно более негативное отношение к фарисеям. Как демонстрирует количественный и качественный ана-

лиз новозаветных текстов, хотя фарисеи действительно упоминаются чаще и подвергаются более эмоционально окрашенной критике, принципиально противоречие с саддукеями, несмотря на меньшую частотность, носит системный и мировоззренчески непримиримый характер.

Таблица 2. Типы конфронтации в парадигмах

	Высокая Социальная Конкуренция	Низкая Социальная Конкуренция
Высокая доктринальная близость (одна парадигма, разные интерпретации)	ТИП А: «БРАТСКАЯ ВРАЖДА» (Пример: Фарисеи vs. Ранние Христиане) • Характер: острый, эмоциональный конфликт между группами, претендующими на интерпретацию одного и того же наследия. • Фокус: борьба за ортодоксальность, праведность, истинность толкований. • Проявления: личные выпады, обвинения в отступничестве, высокая степень взаимного раздражения. • Основа: глубокое осознание общих корней и целей, что делает спор более личным и ожесточенным.	ТИП В «ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ СПОР» (Пример: Различные школы внутри одной философской традиции) • Характер: интенсивные, но преимущественно академические или интеллектуальные дебаты. • Фокус: доктринальные нюансы, методологические подходы, интерпретация текстов. • Проявления: аргументация, контраргументация, академическая полемика. • Основа: разделяемая парадигма, но меньшая социальная угроза или необходимость прямой борьбы за массы.
Низкая доктринальная близость (разные парадигмы, разные ресурсы)	ТИП Г: «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ» (Пример: Римская Империя vs. Раннее Христианство) • Характер: конфликт, обусловленный политическими, социальными или экономическими интересами, а не чисто доктринальными различиями. • Фокус: контроль над ресурсами, властью, общественным порядком. • Проявления: преследования, репрессии, политическое давление. • Основа: разные системы ценностей и цели, но социальная конкуренция может быть высокой из-за угрозы установленным порядкам.	ТИП Б: «СИСТЕМНЫЙ АНТАГОНИЗМ» (Пример: Христиане vs. Саддукеи) • Характер: фундаментальное, непримиримое противоречие на уровне базовых доктрин. • Фокус: отрицание основополагающих истин оппонента (например, воскресения, духов, личной ответственности перед Богом). • Проявления: «холодная» полемика, констатация фундаментальных расхождений, отсутствие эмоциональной вовлеченности (поскольку нет общего поля для “братской” борьбы). • Основа: группы находятся вне общего доктринального поля, их системы принципиально несовместимы.

Источник: таблица автора по данным настоящего исследования

Конфликт с фарисеями разворачивается в рамках общего теологического пространства — авторитета Писания, проблемы воскресения мертвых, эсхатологических ожиданий, — что свидетельствует об их глубинной идейной связи при тактических и интерпретационных расхождениях. В противоположность этому, антагонизм с саддукеями пронизывает все уровни: от базовых доктрин (отрицание воскресения и духовного мира) до социального статуса (аристократическая каста versus народное движение) [Saldarini 2001, 4], экономических основ (концентрация богатства вокруг Храма versus общинная собственность), политических стратегий (проримский прагматизм versus апокалиптическая оппозиционность) и ритуальной практики (храмовый буквализм versus духовный универсализм) [Meeks 1983, 78]. Это было не соперничество внутри одной парадигмы, а столкновение двух различных и несовместимых картин мира. Разработанная в исследовании многофакторная модель анализа обладает значительной эвристической ценностью, поскольку позволяет не только опровергнуть поверхностные аналогии, но и выявить универсальные механизмы религиозно-идеологических расколов. Данный механизм проявляется в том, что наиболее острая и бескомпромиссная борьба зачастую происходит не между радикально противоположными силами, а между смежными флангами внутри одного широкого лагеря, претендующими на исключительное право интерпретации общего идейного наследия. Эта модель предоставляет

надежный инструментарий для классификации религиозных течений, анализа природы расколов, прогнозирования их развития и критики спекулятивных исторических реконструкций [Stroumsa 2015, 89; VanderKam 2012, 114].

Особого внимания заслуживает прогностический вывод о высокой вероятности возрождения неосаддукейства в современном религиозном ландшафте. Основания для такого прогноза носят системный характер:

Циклическая динамика религиозных движений: история демонстрирует, что идеи, маргинализированные в одну эпоху, могут возрождаться в другую при изменении социально-культурного контекста (возрождение гностицизма в средневековых ересьях и в движении New Age).

Реабилитация рационализма в религии: современные тенденции к «демифологизации» христианства (Р. Бультман), поиску «исторического Иисуса» вне догматических рамок, попытки согласовать веру с научной картиной мира создают запрос на религиозность, минимизирующую «сверхъестественные» элементы (воскресение, ангелы, чудеса). Именно эту нишу исторически занимали саддукеи.

Кризис традиционных религиозных институтов: падение авторитета церковных иерархий стимулирует поиск «первоначального», «очищенного» христианства, которое некоторые группы могут реконструировать в духе саддукейского буквализма и отрицания «преданий».

Рост элитарных, интеллектуализированных форм религиозности: саддукейство исторически было религией храмовой элиты. Современные тенденции к элитарному «интеллектуальному христианству» для образованного класса могут стимулировать интерес к саддукейским моделям веры.

Возможные последствия этого процесса включают: углубление внутрехристианских расколов (появление групп, отрицающих фундаментальные доктрины, спровоцирует новые конфликты по типу «братской вражды»); размывание христианской идентичности (неосаддукейство может стать мостом к полному выходу из христианской парадигмы в секулярный гуманизм); политические последствия (как и исторические саддукеи, неосаддукеи, вероятно, будут тяготеть к союзу с элитами и консервации статус-кво, что может вступить в конфликт с эсхатологически заряженными формами христианства).

Практическая значимость работы заключается в ее способности служить аналитической оптикой для понимания широкого спектра исторических и современных конфликтов. Классическим примером является противостояние Сталина и Троцкого, которые, находясь в рамках общей марксистско-ленинской платформы и будучи строителями одного государства, разошлись в стратегическом вопросе о возможности построения социализма в отдельно взятой стране: «социализм в одной отдельно взятой стране» и «перманентная революция» [Дойчер 2025, 122]. Эта внутренняя борьба за лидерство и правильность интерпретации общего учения привела к беспрецедентной личной вражде и физическому уничтожению оппонента, тогда как с внешними, «буржуазными» странами были возможны тактические союзы.

Историческим примером из европейской истории служат Религиозные войны XVI–XVII веков между католиками и протестантами, которые, разделяя общую христианскую веру, Библию и фигуру Христа, вели кровавые войны именно из-за вопросов авторитета Папы, структуры церкви и толкования таинств [Досси 2015, 144]. Жестокость этих внутренних конфликтов внутри христианского мира зачастую превосходила противостояние с внешней угрозой, такой как Османская империя. Данная закономерность прослеживается и в современных политических системах, например, в США, где демократы и республиканцы, действуя в рамках общей конституционной и либерально-демократической парадигмы, ведут между собой значительно более острую и личностную риторическую борьбу, чем с внешними геополитическими оппонентами, поскольку борются за одну и ту же электоральную базу и право на определение национальной идентичности [Исаев 2008, 54].

Яркой исторической иллюстрацией универсальности предложенной модели является интеллектуальный конфликт в Англии и Новой Англии XVII века, подробно описанный М. Голдишем. В этот период таких мыслителей, как Томас Ади и Джон Вебстер, которые, опираясь на зарождающиеся научные методы, подвергали сомнению реальность ведьм, духов и возможность существования души отдельно от тела, их оппоненты — Генри Мор, Джозеф Глэнвилл, а впоследствии и Коттон Мэзер — метафорически окрестили «новыми саддукеями». Это была не случайная

аналогия, а тонкий риторический прием, точно попадающий в логику «внутрипарадигмального конфликта». Борцы с «саддукейством», сами будучи образованными людьми и кембриджскими платониками, пытались с помощью картезианского дуализма и эмпирического сбора свидетельств (case studies) «воскресить» и научно обосновать архаичные элементы веры в духовный мир, чтобы отстоять его реальность перед лицом рационалистического скепсиса. Таким образом, они, по иронии, занимались именно тем, что отрицали исторические саддукеи — интеллектуальным «воскрешением» (в данном случае — реабилитацией и доказательством) явлений загробного и духовного мира. Этот конфликт был не борьбой между наукой и суеверием, а ожесточенной схваткой внутри общей христианско-платонической парадигмы за право на ортодоксальную интерпретацию реальности в условиях научной революции. «Новые саддукеи» оспаривали не саму веру, но конкретные, с их точки зрения, суеверные и устаревшие её проявления, в то время как их обвинители, защищая эти проявления, боролись за монополию на определение границ между благочестием и ересью, буквально следуя модели «братской вражды» [Goldish 2025, 87, 105, 111].

Важно подчеркнуть, что разработанная модель применима как к ранним (историческим), так и к современным идеологическим расколам. Механизм «братской вражды» (Тип А) воспроизводится во все эпохи, когда группы претендуют на монопольную интерпретацию общего идейного наследия в условиях высокой социальной конкуренции. Связь между историческим и современным контекстами обеспечивается не хронологической преемственностью, а типологическим подобием социально-идеологических структур. Так, конфликт между демократами и республиканцами в современной США, при всех содержательных различиях, структурно изоморфен противостоянию фарисеев и ранних христиан: обе пары действуют в рамках общей парадигмы (американская конституционная демократия / иудаизм Второго Храма), разделяют большинство базовых ценностей, но ведут ожесточенную борьбу за право определять «истинное» содержание этих ценностей. Аналогичным образом, внутриисламские противостояния (сунниты vs. шииты) на протяжении четырнадцати веков демонстрируют устойчивость конфликта типа «братская враж-

да», поскольку высокая доктринальная близость сочетается с перманентной конкуренцией за лидерство в умме.

Многофакторная матрица позволяет не только классифицировать конфликты, но и прогнозировать их динамику на основе выявленных закономерностей. Во-первых, эскалация «братской вражды» (Тип А) происходит, когда внешнее давление на парадигму в целом сочетается с внутренней борьбой за ортодоксальность. Исторический пример: усиление гонений на христиан в Римской империи в III–IV веках парадоксальным образом обостряло внутренние христологические споры (арианский кризис), поскольку вопрос об истинной вере становился вопросом выживания. Современная аналогия: внешнее давление на либеральную демократию (рост популизма, авторитарных режимов) обостряет внутренние противоречия между демократами и республиканцами в США, так как каждая партия претендует на роль «подлинного защитника» демократических ценностей.

Во-вторых, трансформация «системного антагонизма» (Тип Б) в другие типы возможна при изменении уровня социальной конкуренции. Если группа, ранее находившаяся вне парадигмы, начинает претендовать на общее наследие, конфликт может перейти в Тип А. Показательный пример: раннее христианство, изначально чуждое саддукейству и находившееся с ним в состоянии системного антагонизма, после разрушения Храма в 70 г. н.э. вступает в интенсивный диалог с фарисейством (перерастающий в конфликт типа «братская вражда»), тогда как саддукейство исчезает как группа.

Итак, зная доктринальную близость и уровень социальной конкуренции между группами в момент времени T1, можно с высокой вероятностью предсказать характер их конфликта в T2. Модель прошла ретроспективную проверку на материале истории религиозных и политических движений и продемонстрировала высокую объяснительную и прогностическую способность.

Представленное исследование вносит существенный вклад в понимание природы идеологических конфликтов, демонстрируя, что наибольшая напряженность возникает между группами, претендующими на один и тот же символический капитал и право на ортодоксальность внутри общей традиции. Оно дает ценную аналитическую

перспективу для интерпретации широкого круга явлений — от исторических религиозных споров до современных политических и корпоративных противостояний, — где именно «близкий оппонент» представляет наибольшую угрозу, так как оспаривает монополию на интерпретацию общих оснований.

Заключение (Выводы)

Проведенное исследование демонстрирует, что количественный и качественный анализ новозаветной критики в адрес фарисеев и саддукеев не только опровергает исходные профеноменологические гипотезы о потенциальной близости саддукейства и раннего христианства, но и выявляет фундаментально различную природу этих двух конфликтов. Несмотря на то что фарисеи подвергаются более частой (89 против 14 упоминаний) и эмоционально насыщенной критике, носящей личный и морально-этический характер, принципиальный антагонизм с саддукеями, хотя и менее частотный, является системным и мировоззренчески непримиримым. Конфликт с фарисеями разворачивается внутри общего теологического поля — общего признания авторите-

та Писания, веры в воскресение мертвых, духовный мир и эсхатологические ожидания — и представляет собой спор об интерпретации общего наследия. В противоположность этому, противостояние с саддукеями основано на тотальном доктринальном, социальном и политическом размежевании, исключающем саму возможность диалога или синтеза. Данное исследование подтверждает универсальную модель идеологических расколов, согласно которой наиболее острая и бескомпромиссная борьба возникает не между радикально чуждыми системами, а между смежными группами внутри одной парадигмы, претендующими на монопольное право интерпретации общего символического капитала и ортодоксальности. Разработанная многофакторная модель анализа, интегрирующая доктринальные, социальные, политические и ритуальные параметры, обладает значительной эвристической ценностью и может служить инструментарием для анализа широкого спектра исторических и современных религиозных и идеологических конфликтов.

Список источников

- Арсеньев, И. Саддукеи. Происхождение этой иудейской партии и религиозно-политические ее воззрения / Священник И. Арсеньев. Москва : Русская Печатня, 1911. 40 с.
- Болотников, А. Интервью о саддукеях и их вероучении / беседовал Константин [видео] // Альманах «БОРУХ» : сайт. 2013, 23 июня. URL: <https://www.boruh.info/component/content/article/276-saddukei-i-ikh-verouchenie.html?catid=41&Itemid=101> (дата обращения: 17.03.2023).
- Дойчер, И. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929–1940 гг. Москва : Центрполиграф, 2025. 527 с. ISBN: 978-5-9524-6507-7.
- Досси, Ю., Шишкин, В. Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. Санкт-Петербург : Евразия, 2015. 352 с. ISBN: 978-5-91852-098-7.
- Дубнов, С. М. Древняя история. Греко-римский период до падения Иудейского государства (332 г. до хр. эры — 70 г. хр. эры) // История еврейского народа на Востоке: Древнейшая история: от возникновения Израиля до конца персидского владычества в Иудее. В 3-х томах. Том 2. Москва : Мосты культуры, 2006. 480 с. ISBN 5-93273-226-1.
- Исаев, Б. А. Теория партий и партийных систем. Москва : Аспект Пресс, 2008. 367 с. ISBN: 978-5-7567-0506-5.
- Новый Завет Господа Нашего Иисуса Христа. Санкт-Петербург : Скрижаль, 2024. 68 с. ISBN: 978-5-6051194-7-0.
- Стойчевич, П. Патриарх Сербский. Разговор Христа с саддукеями Текст : электронный // Православие. Ru : сайт. 2017, 24 марта. URL: <https://pravoslavie.ru/99541.html> (дата обращения: 28.08.2025).
- Талмудъ. Мишна и Тосефта. Томъ Первый. Санкт-Петербургъ : Изданіе П. П. Сойкина, 1902. 204 с.
- Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона. Москва : Мосты культуры, 1994. 168 с. ISBN: 5-7349-0021-4.
- Флавий, И. Иудейские древности : В 2 т. Том 1. Санкт-Петербург : Типо-лит. А. Е. Ландау, 1900. 717 с.
- Флавий, И. Иудейская война. Москва : Мосты культуры, 2008. 522 с. ISBN: 5-93273-155-9, 978-5-93273-272-5, 978-5-93273-442-1.
- Goldish, M. Science and Specters at Salem. London & New York: Routledge, 2025. 129 p.

- Himmelfarb, M.* A Kingdom of Priests: Ancestry and Merit in Ancient Judaism. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. 280 p. ISBN: 9780812239508.
- Malina, B. J.* The New Testament World: Insights from Cultural Anthropology. Atlanta : John Knox Press, 1981. 169 p. ISBN: 100804204233.
- Mason, S.* Josephus and the New Testament. Peabody, MA : Hendrickson Publishers, 1992. 248 p. ISBN: 9780943575995.
- Meeks, W. A.* The First Urban Christians: The Social World of the Apostle Paul. New Haven : Yale University Press, 1983. 299 p. ISBN: 978-0300032444.
- Neusner, J.* The Rabbinic Traditions about the Pharisees Before 70: in 3 vols. Leiden : Brill, 1971.
- Newman, H.* Proximity to Power and Jewish Sectarian Groups of the Ancient Period: A Review of Lifestyle, Values, and Halakhah in the Pharisees, Sadducees, Essenes, and Qumran. Leiden; Boston: Brill, 2006. 332 p. ISBN: 978-90-04-14699-0.
- Saldarini, A. J.* Pharisees, Scribes and Sadducees in Palestinian Society : A Sociological Approach. W. B. Eerdmans, 2001. 325 p. ISBN: 0802843581, 9780802843586.
- Sanders, E. P.* Judaism: Practice and Belief, 63 BCE – 66 CE. — London : SCM Press, 1992. 580 p. ISBN: 1563380153, 978-1563380150
- Satlow, M. L.* How the Bible Became Holy. New Haven & London : Yale University Press, 2014. 350 p. ISBN: 0300171919, 978-0300171914.
- Stemberger, G.* Jewish Contemporaries of Jesus: Pharisees, Sadducees, Essenes. Minneapolis : Fortress Press, 1995. 162 p. ISBN: 0800626249, 978-0800626242.
- Stroumsa, G. G.* The Making of the Abrahamic Religions in Late Antiquity. Oxford : Oxford University Press, 2015. 210 p. ISBN: 978-0-19-873886-2.
- VanderKam, J. C.* The Dead Sea Scrolls and the Bible. Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 2012. 202 p. ISBN: 0802866794, 978-0802866790.

References

- Arsenyev, I. *Saddukei. Proiskhozhdeniye etoy iudeyskoy partii i religiozno-politicheskiye yeye vozzreniya* [The Sadducees. The Origin of This Jewish Party and Its Religio-Political Views]. Priest I. Arsenyev. Moscow : Russkaya Pechatnya Publ., 1911. 40 p. (in Russ.).
- Bolotnikov, A. Interv'y u o saddukeyakh i ikh verouchenii [Interview about the Sadducees and Their Doctrine], interviewed by Konstantin [video]. *Almanac "BORUKH"* : website. 2013, June 23. Available at <https://www.boruh.info/component/content/article/276-saddukei-i-ikh-verouchenie.html?catid=41&Itemid=101> (accessed: 03/17/2023) (in Russ.).
- Deutscher, I. *Trotskiy. Izgnannyi prorok. 1929–1940* [Trotsky. The Exiled Prophet. 1929–1940]. Moscow : Tsentrpoligraf Publ., 2025. 527 p. ISBN: 978-5-9524-6507-7 (in Russ.).
- Dossi, Yu., Shishkin, V. *Religioznyye voyny vo Frantsii XVI v. Novyye istochniki, novyye issledovaniya, novaya periodizatsiya* [Religious Wars in France in the 16th Century. New Sources, New Research, New Periodization]. St. Petersburg : Eurasia Publ., 2015. 352 p. ISBN: 978-5-91852-098-7 (in Russ.).
- Dubnov, S. M. *Drevnyaya istoriya. Greko-rimskiy period do padeniya Iudeyskogo gosudarstva (332 g. do khr. ery — 70 g. khr. ery)* [Ancient History. The Greco-Roman Period to the Fall of the Jewish State (332 BC – 70 BC)]. *Istoriya yevreyskogo naroda na Vostoke: Drevneyshaya istoriya: ot vozniknoveniya Izrailya do kontsa persidskogo vladychestva v Iudeye* [History of the Jewish People in the East: Ancient History: from the Emergence of Israel to the End of Persian Rule in Judea]. In 3 volumes. Volume 2. Moscow : Mosty Kultury Publ., 2006. 480 p. ISBN 5-93273-226-1 (in Russ.).
- Isaev, B. A. *Teoriya partiy i partiynykh sistem* [Theory of Parties and Party Systems]. Moscow : Aspect Press Publ., 2008. 367 p. ISBN: 978-5-7567-0506-5 (in Russ.).
- Novyy Zavet Gospoda Nashego Iisusa Khrista* [The New Testament of Our Lord Jesus Christ]. Saint Petersburg : Skrizhal Publ., 2024. 68 p. ISBN: 978-5-6051194-7-0 (in Russ.).
- Stoycevic, P. Patriarch of Serbia. *Razgovor Khrista s saddukeyamiyu* [Christ's Conversation with the Sadducees]. Online text. *Pravoslavie.Ru* : website. 2017, March 24. Available at <https://pravoslavie.ru/99541.html> (accessed: August 28, 2025) (in Russ.).
- Talmud. Mishna i Tosefta* [Talmud. Mishnah and Tosefta]. Volume One. Saint Petersburg : Izdanie P. P. Soykina Publ., 1902. 204 p. (in Russ.).

Filon Aleksandriyskiy. Protiv Flakka. O posol'stve k Gayu. Iosif Flaviy. O drevnosti yevreyskogo naroda. Protiv Apiona [Philo of Alexandria. Against Flaccus. On the Embassy to Gaius. Josephus. On the Antiquity of the Jewish People. Against Apion]. Moscow : Mosty Kultury Publ., 1994. 168 p. ISBN: 5-7349-0021-4 (in Russ.).

Flavius, I. *Iudeyskiye drevnosti* [Jewish Antiquities]. In 2 Volumes. Volume 1. St. Petersburg: Typo-lit. A. E. Landau Publ., 1900. 717 p. (in Russ.).

Flavius, I. *Iudeyskaya voyna* [The Jewish War]. Moscow : Mosty Kultury, 2008. 522 p. ISBN: 5-93273-155-9, 978-5-93273-272-5, 978-5-93273-442-1 (in Russ.).

Информация об авторе:

Сахневич Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой лингвистики, АНО ВО «Институт Деловой Карьеры», ул. Нижегородская, 32/4, Москва, 109029, Россия.

Information about the author:

Sakhnevich Sergey V. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Head of the Department of Linguistics, Institute of Business Career, 32/4 Nizhegorodskaya St., Moscow, 109029, Russia.

Статья поступила в редакцию 09.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 27.02.2026.
The article was submitted 01/09/2026; approved after reviewing 02/16/2026; accepted for publication 02/27/2026.